

София Синицкая

СИЯНИЕ
«ЖЕМОЖАХА»

Трилогия

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

«...я помню, в Преображеньев день (наш престольный праздник), по поводу тропаря: *Показавый учеником Твоим славу Твою, яко же можашу*, – спорили о том, что такое «жеможаха»? сияние, что ли, особенное?»

*М. Е. Салтыков-Щедрин.
Пошехонская старина*

*Герои этой повести являются вымыслом автора.
Они не имеют ничего общего с реальными людьми –
живыми или мёртвыми*

Тихо по морю бегут
страха белые слоны.

Даниил Хармс

1

Утром в парке Пётр Иванович Уксусов приставал к швее-бригадирше с неприличными предложениями – звал гулять по-княжески и кутить в казино: «Кто два раза в день не пьян, тот, простите, не улан!» Толстогрудая Катерина Ивановна визгливо смеялась над уланом, мальчишки кидали в него щепки и камешки, в толпе свистели. Швея ударила улана по уху. Пётр Иванович упал, горько заплакал, обозвал швею кикиморой и дурочкой с Фонарного переулочка, потом взбодрился, проехался на лошадке, подрался с усатым цыганом, подрался с аптекарем, у которого череп был обтянут зелёной кожей, подрался с товарищем милиционером. От нетрезвой жизни голова у Петра Ивановича треснула. «Пропадай моя головушка с колпачком и с кисточкой!» – крикнул нарушитель общественного порядка. Вскочив на косматую собачку, исчез за ширмой.

– Нет, лучше, чтобы в ад героя увозил картонный автомобиль.

Вечером молодой артист ленинградского театра кукол Гриша Недоквасов пошёл к Миронычу чинить Петрушку. «Здравия желаю!» – протрещал сквозь пищик охраннику Копытову, тот весело подмигнул и открыл дверь в квартиру, наполненную запахом старых книг и капустного пирога. Мироныч работал за обеденным столом: что-то писал размашисто. Он всё в жизни делал размашисто – писал, говорил, ел, любил, ненавидел, руководил. Мироныч был похож на плотный и чрезвычайно привлекательный подосиновик с красной шляпкой. Такой подосиновик хочется срезать острым ножиком, положить в корзину и накрыть папоротником.

Гриша бочком прошёл на кухню. Там мощно и неторопливо готовила еду домработница Авдотья Никитична. Её пухлые ручки волшебным образом двигались, и всё вокруг шкворчало, бурлило, подходило, поднималось, румянилось. Гриша прекрасно знал Авдотью Никитичну: когда он был школьником, Авдотья Никитична приходила к Недоквасовым варить обед и наводить порядок в доме. Фиолетовая кофта с перламутровыми пуговицами и клёцки-лодочки, плавающие вокруг утёсов мозговых костей, стали неотъемлемой частью Гришиного в общем-то счастливого детства. Гриша рано остался без матери, он жил с отцом, известным хирургом Иваном Андреевичем Недо-

квасовым, на улице Красных Зорь. В 1926 году в их доме поселился Сергей Миронович Киров; Гриша тогда с грехом пополам окончил среднюю школу с неудобными чугунными партами, они там стояли ещё с дореволюционных времён, ребята больно бились о них коленями.

Гришу никогда не сажали за стол с Миронычем. Авдотья Никитична кормила Гришу на кухне, а он с увлечением рассказывал ей о кукольном театре и своих новаторских идеях: «Потом выскакивает Петрушка – Лопухин, начинает пилить деревья, с веток слетают вороны, зловещие птицы кружат над Петрушкой, он разгоняет их дубинкой. Вишнёвый сад уходит под землю, на его месте вырастает Дворец культуры. Я его делаю из папье-маше, в окошках будут гореть лампочки и двигаться пионеры».

Никитична слушала Гришу вполуха – и когда он маленький был, и сейчас, – но так убедительно ахала и кивала головой, что, казалось, никто так мальчика не понимает, как она.

– Молодец, Гриша! – на кухню заглядывал Мироныч: ямочки, скулы, щёчки, прищур и добрые морщинки. – Бери судьбу в свои руки, Петрушка, и к делу подходи по-коммунистически. Не держи рассуждения свои при себе! Выбирайся из тёмных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма. Жадно, неутомимо и страстно руби гнилое прошлое, переходи к чисто научному мировоззрению, вперёд – от идеализма к материализму!

При виде дорогого Мироныча Петрушка с утробным кваканьем выскакивал из-под стола, пожимал деревянными ладошками крепкую руку члена Политбюро и незамедлительно переходил к материализму.

Мироныч познакомился с Гришей в кукольном театре, на премьере. Ему очень понравился боевой Петрушка в Гришиной импровизации: сначала носатый дурак плачет, жалуется на бедную «жисть», потом – раз! – и взвился кострами, стал буревестником, буржуев колотит палкой.

Гриша часто ездил с Миронычем на заводы – после его выступлений ломал камедь для ижорских и краснопутиловских детей. Мироныч был замечательный оратор: заводил пламенную речь и тут же распухал, ширился, вырастал в болванку весом до восьмидесяти пяти тонн, заполняя собой пространство и время. Он был турбогенератором и мощным зубчатым колесом. Рабочие слушали его внимательно. Инженеры с чувством пожимали стальную руку толщиной до трёхсот миллиметров. Гриша, хихикая, грыз косточку большого пальца и представлял себе Мироныча то футуристическим железным монстром, составленным из шара и кубов, то аккуратным римлянином в тоге, с лавровым венком; хотел бы вырезать такую липовую куклу, сделал даже эскиз.

В одной из комнат Мироныча была отлично оборудованная столярная мастерская, иногда Гриша там работал: на токарном станке делал кукол и де-

тали для декораций. Мироныч по секрету от всех ему помогал, когда было время. Он очень любил строгать, говорил, что его любимый запах – это запах свежих стружек. Как бы удивился директор кукольного театра, если бы узнал, что носы Гулливеру, царю и бабе Бабарихе вырезал отец революции! Мироныч хотел научиться балагурить через пищик, пробовал, но у него ничего не получалось, только слюни текли, глаза слезились от смеха. О дружбе с Миронычем Гриша никому не говорил, о ней знали лишь охранник Копытов, жена Мироныча, которая часто ездила лечиться, домработница Телятникова и Маргарита Афанасьевна Полутень.

Маргарита Афанасьевна была балериной, Сергей Миронович называл её «моя лебёдушка». Однажды Гриша, забытый в комнатке-мастерской, слышал, как сцепились в любовной схватке Полутень и партийная шишка. Звенели стёкла книжных шкафов, за ними вздрагивали Пушкин, Толстой, Карамзин, Ленин, Шопенгауэр, Ницше, Деникин, Гитлер и поэты-акмеисты, шкура белого медведя ревела от ужаса, а Гриша не знал, как незаметно проскользнуть в прихожую и выбраться из неожиданной засады.

В другой раз Гриша дремал на топчанчике в мастерской – ночь не спал, чинил парусиновую будку, пасмурным утром промёрз в парке Ленина со своей петрушкой. В полусне и полумраке открыл глаза и увидел усатого мужичка, похожего на кукольного

цыгана. Цыган ухмыльнулся и вышел, влетел военный, выпроводил Гришу на улицу. На лестнице застыли, как кариатиды, вооруженные люди в форме, у парадной стояло несколько машин, на улице – ни души.

Дома потрясённый Гриша лёг, закрылся папиным халатом. В квартире было тихо, в окна упёрлись зелёные ветки, все предметы плавали в молочном супе, потом на комод упал розовый луч, и Гриша заснул. Сон был тревожный: в дрожащей берёзовой роще росли неестественно крупные грибы, такие мощные, что даже дотронуться было страшно; Гриша видел сквозь траву и землю, как их корни нитями, шнурами, канатами уходят глубоко в почву, гигантская грибница разрастается на многие километры и, словно чудовищный осьминог, охватывает щупальцами землю.

В Последнем переулке два пионера (Гриша Недоквасов и Толя Шелест) перевоспитывали жильцов дома номер три – склочников, лентяев и грязнуль. Надо было навести порядок в доме, а наглого поросёнка Ваню выселить из квартиры управдома Соломки в хлев. «Пионеры» спрятались за фанерным фасадом с разбитыми окнами.

– Толя, я видел вождя, – шепнул Гриша.

– Мой дядька тоже видел, дядька стармех... ходит на «Анохине». Он сидел в кресле плетёном на палубе... с Кировым, Ворошиловым и Ягодой. Им картошку печёную подавали с селёдкой. Его дядька потом домой забрал... кресло то есть. Теперь

водку пьёт только в сталинском кресле... И жене, тёте Ане, говорит, чтобы на закуску ему картоху с селёдкой подавала. «Ещё чего, – отвечает, – да я тебя сковородником! Дай мне тоже посидеть!» Так в этом кресле и сидят по очереди.

– Я видел не в порту.

– А где?

– Во сне...

Сначала пьеса называлась «Поросёнок Ваня». Работник типографии Николай Адамович Фагельзам, проявивший в боях под Вильно удивительное самообладание и неустранимость, зарубивший пашкой восемь немецких драгун, но сильно контуженный снарядом и поэтому несколько тугой на ухо, решил, что напечатать надо «Поросёнок в ванне». Афиши вышли с совершенно неожиданным названием, пришлось скорее придумывать новую сцену. Теперь поросёнок нежился в ванне, а Николаю Адамовичу ничего не сказали, чтобы не расстраивать старика.

«Поросёнка в ванне» играли в школах и детских домах, ребята были от него в восторге. Ленинградские театры часто возили спектакли в детские дома, это было обычное дело. Однажды Гриша поехал с друзьями из ТЮЗа в трудовую колонию «Красные зори». Трамвай привёз молодых артистов на берег Финского залива, в старинную усадьбу забытого князя Михаила Николаевича. Грише захотелось остаться в этом парке, в этом дворце, в этом детском королевстве навсегда. Навсегда не

получилось, но Гриша часто ездил со своих городских Красных Зорь в загородные, дышал сладким гнилым морским воздухом, учил детей кукольному делу, на обед ел суп из капусты, выращенной колонистами, и кашу, сваренную на молоке краснозорьских коров, а за ужином намазывал хлеб мёдом краснозорьских пчёл.

Директор Игнатий Ионин говорил: «Каждому – всё!», это был его рыцарский девиз. И у детей, по Гришиному убеждению, было абсолютно всё – огород, коровник, музыка, поэзия, путешествия, лыжи, футбол, счастье и свобода.

Бывало, что в «Красные зори» попадали трудные дети – вокзальники, попрошайки, беспризорные; они никому не доверяли, угрюмо смотрели исподлобья и признавали только силу кулака. В коммуне эти ребята начинали жить красиво, ловили фарт: получали лафовую шамовку и роскошную хавиру. Волшебным образом в кратчайшие сроки они превращались в ответственных строителей светлого будущего: агрономов, зоологов, бравых физкультурников и даже моряков – у колонистов был свой корабль! Наблюдая, как меняются лица и повадки малолетних преступников, Гриша не верил своим глазам. Однажды в столовой он стал свидетелем страшной сцены – новенький мальчик, бледный, в веснушках, с пронзительным криком «Марану, лягавый!» кинулся на Ионина сзади с хлебным ножом. Директор повернулся и совершенно спокойно сказал: «В спину бьют трусы. Бей в грудь!» Маль-

чик бросил нож и с тех пор повсюду ходил за Ионичным, как верный оруженосец.

– Что же ты не поправляешься, Алёша? Ешь, а не поправляешься! – спрашивал рыцарь мальчишку.

– Это я потому такой, что кокаин нюхаю! – отвечал Алёшка, свистя сквозь чёрные гнилушки.

По многочисленным просьбам трудящихся Гриша привозил в «Красные зори» Петрушку. Он ставил балаганчик около дворца на лужайке, окруженной плотно свившимися стеблями оранжевых и красных настурций. На парадной лестнице сидели зрители; небо сияло, чайки орали. «Да у тебя и пашпорта-то нет!» – смеялись над Петрухой бывшие кусочники, безродники и стопари. Гриша чувствовал, что попал в сказочный мир, не имеющий ничего общего с происходящим за его границами, и вот прямо сейчас делает по-настоящему важное дело, ради которого, конечно же, имеет смысл жить.

Петрушка заводил грустную питерскую песню:

Вчера стоял я на стоянке
На Петербургской стороне,
Все фонари мои горели,
Вдруг что-то жутко стало мне.
И в эту странную минуту
Ко мне пристал городской
Он стал ругаться, придирается,
И записал он номер мой.

(ребята подхватывали)

Я не стерпел такой обиды
И на сцепление нажал.
На полной скорости машины
На эту сволочь наезжа-а-ал...

Петрушка прекрасно знал все задушевные песни мазуриков, поэтому вместе с Гришей был в доверии у новоприбывших. Однажды Алёшка-кокаинист, вообще-то замкнутый, неразговорчивый парень, рассказал Грише историю из своего преступного прошлого. Судя по всему, она врезалась ему в память и беспокоила, хотя закончилось всё хорошо.

Алёшка торговал марафетом – кокаином, смешанным с аспирином. Марафет получал у знакомых в одном доме на Пушкинской улице, прятал в коробочку от карамели и шёл на вокзал: там у него была своя клиентура. Алёшка хорошо зарабатывал. Он любил красивую жизнь и обедал у Ливензона. Про Исаака Ливензона ходили удивительные слухи: говорили, он настолько богат, что может подкупить любого, что он дал на лапу следователю – и тот отпустил красавицу-проститутку Боннель, сунул в зубы врачу и упёк свою старую жену в сумасшедший дом.

У Ливензона была семилетняя дочь Фанечка – пухленькая, с чёрными косами, в круглых очках. Когда официант Аркаша выходил из кухни, было видно, как Фанечка, сидя на ящике с рыковкой, читает толстую книгу наоборот. Как-то Алёша обедал у Ливензона и бездумно смотрел на порха-

ющую дверь, на Фанин силуэт, который то исчезал, то появлялся снова. В какой-то момент дверь распахнулась, но Фани на ящике не оказалось. Раздался вопль Ливензона – Фаню похитили. Вечером Ливензон получил письмо с предложением выкупить ребёнка.

На следующий день Алёша пошёл за марафетом на Пушкинскую. Ему выдали товар и предложили постеречь девчонку. Алёша сразу понял, что стеречь надо Фаню Ливензон. Пришли в незнакомую квартиру. Фаню сторожил парень с белым занюханным лицом. Прежде чем войти к пленнице, он надевал на голову мешок с дырками для глаз. При виде этого пугала Фаня заходилась плачем. Занюханный отдал Алёшке свой мешок и удалился, на лестничной площадке его поджидал официант Аркаша. Фаня сидела на ящике с консервами и в отчаянии царапала ногтями руки. Она была привязана за ногу к ящику, около ящика – открытая банка тушёнки и ночной горшок. Алёша походил по квартире. Видимо, хозяева покинули её в спешке и против воли: везде был беспорядок красивых вещей – рисунки, игрушки, одежда. В клетке лежала мёртвая птичка. В одной из комнат стояли книжные шкафы с распахнутыми дверцами. Алёша взял несколько книжек с картинками и понёс их Фане. Мешок надевать не стал. Фаня читать не хотела, она плакала и умоляла отвести её к маме. Алёша напомнил ребёнку, что мать его в сумасшедшем доме, но оказалось, что всё это неправда, что мама

живёт с Фаней и папой, и надо поскорее к ним пойти. Алёша никак не мог вести Фаню к Ливензонам, хотя предполагал, что они отваяют ему кучу денег. «Знакомые» его за это просто бы убили. Чтобы успокоить Фаню, Алёша предложил ей попробовать «лекарство» из красной жестяной коробочки с надписью «Карамель». Он сказал, что от этого лекарства запросто взлетают под потолок, и насыпал немного белого порошка на свой пижонский длинный ноготь. Фаня поверила и лизнула, наверно, понадеялась, что сможет вылететь в форточку и отправиться к маме. Алёша высыпал дозу на стол, приложился ухом, прижал мизинцем ноздрю и нюхнул. Он провёл с Фаней два дня, пока Ливензон собирал деньги. Два дня дети отрывались – не чувствуя голода и холода, летали под потолком с лепниной, разговаривали с белыми музами и сатирами. Потом Фаню отдали папе, и Ливензоны исчезли из города навсегда. Ничего страшного не случилось, но Алёше эта история запомнилась, он скучал по Фане...

* * *

Гриша привёз в «Красные зори» отца – показать, как выглядит Главное Место на Земле, и познакомить с Главным Человеком. Иван Андреевич долго разговаривал с Игнатием Вячеславовичем, они нашли кучу общих знакомых: в 1916 году оба жили в Баку и ходили в театр, возможно даже, си-

дели в соседних креслах. Иван Андреевич сетовал, что Гриша не стал врачом, подался в артисты.

– Игнатий Вячеславович, в нашей семье все мужчины – дед мой, отец, дядя – были хирургами. Мне хотелось, чтобы и Гриша стал врачом, но он тяжело родился, его тащили щипцами, если присмотреться, можно заметить, что голова несколько вытянута. Читать начал рано, но долго не мог научиться писать, ложку мимо рта проносил, пуговицу своему Петрушке ровно пришить не умеет, какая уж тут медицина!

– Иван Андреевич, а я считаю, что ваш Гриша настоящий целитель! Да он уже состоялся как детский врач, знаток детских душ, вы посмотрите, как он с ребятами работает, ведь в его кружке каждый второй – малолетний преступник с тяжёлым прошлым. К каждому Гриша находит правильный подход, каждого может захватить, заинтересовать. Вот у кого нужно будущим психологам учиться, дорогой Иван Андреевич. Ваш Гриша – человекоед!

Приближался Новый год, у директора был день рождения. Гриша сделал марионетку – Дон Кихота с лицом Ионина, его мечтательными глазами и бородкой клинышком. Кукла всем понравилась. Отмечали рождение всех декабрьских. К празднику колонисты наморозили несколько вёдер мороженого: вишнёвого, карамельного, клубничного и сливочного. Густые, одуряюще пахнущие реки вливались в старые французские мороженицы под названием «Турбино», кокаинист Алёшка в фартуке и колпаке

сосредоточенно перемешивал клёвую хруставку. Рыцарь печального образа играл с колонистами в прятки и ловко забирался на шкаф. У него тоже надо было всем психологам учиться. Он тоже был человековед.

* * *

Иван Андреевич тяжело заболел, Гриша терпеливо за ним ухаживал, не хуже фельдшера. Похоронив отца, поскучал, потом кинулся с головой в работу, дома только спал: с утра бежал в кукольный театр, выходные проводил в парках со своим Петрушкой или в «Красных зорях», иногда заходил к Сергею Мироновичу поболтать о книгах и театре, а заодно поесть. Как-то раз Гриша пошёл к Миронычу обменять стопку прочитанных романов на «Молот ведьм» на французском. Около его парадной чуть не столкнулся со странным человеком, который, казалось, находился в крайней степени нервного возбуждения – бел как мел, лицо кривилось; на тонкой шее около подбородка темнело странное пятно. Псих шарахнулся в сторону...

– Здравия желаю, товарищ Копытов! – протрещало сквозь пищик.

– И ты не болей, Петруха!

Маргарита Афанасьевна плакала, Мироныч хмурился, просил её не быть «истеричной жеможахой», а подойти к делу по-коммунистически. «Жеможаха» Маргарита Афанасьевна не хотела подходить и вздрагивала от рыданий. Гриша понял, что

не вовремя, хотел уйти, но хозяин его не пустил, попросил остаться, разрядить обстановку, рассказать про книги. Полутень закрыла лицо длинными пальцами, по её рукам бежали и падали на жёстко крахмаленную скатерть пружины чёрных волос. Авдотья Никитична высовывалась из коридорчика и отмечала про себя, что на крахмальные простыни и скатерти, пальто, шинель и гимнастерки иногда падают самые разные волосы, рыжие, например. Вволнованный Гриша стал рассказывать о борьбе за жизнь в условиях дикой природы: в дремучих лесах герои ищут золото и, чтобы не умереть от цинги, пьют отвар из сосновых иголок; затерянные в океане терпят голод и жажду.

– Маргарита Афанасьевна, помните, что вас спасёт сырая картофелина! Натрите её на тёрке. Картофельный сок победит самую запущенную цингу. Всего пять капель в день. Чтобы вызвать слюноотделение, сосите пулю! Можно лизать топорщице. Маргарита Афанасьевна, юнгу хотели съесть голодные матросы!

– Он спасся?

– Конечно! Победил и вернулся домой. Сам всех съел!

– Да, пора обедать! – Сергей Миронович хлопнул себя по крепкой ляжке. Гриша помог Авдотье Никитичне накрыть на стол и в первый и последний раз поел вместе с Миронычем – уху, фаршированную щуку с гречневой кашей и малиновый кисель.

Полутень ушла. Мироныч казался озабоченным, злым. Гриша отправился было восвояси, но подошниковик его не пустил. Он хотел развеяться. Поехали на репетицию в ГАТОБ. В царской ложе, под серпом и молотом, Мироныч внимательно смотрел, как пленница хана играет на лютне и вспоминает былую жизнь. Твёрдый профиль Мироныча выступал из мерцающей темноты, Гриша его зарисовывал – и так, и этак: со стаканом, с папирсой, с носовым платком. Выходя с Миронычем из ложи, Гриша снова увидел того психа с глазами загнанной зверюшки и вампирским пятном под подбородком. Псих направился к Миронычу, но Копытов мягко оттеснил его грудью. Мироныч холодно ему кивнул, судя по всему, их что-то связывало, они были знакомы. Укушенный махнул рукой и отвернулся.

Подъехали к дому. Выйдя из автомобиля, Мироныч сделал несколько шагов к парадной, остановился в задумчивости и вдруг быстро пошёл прочь – в тёмные дворы Петроградской. Подрезова, Подковырова, Полозова... Мироныч почти бежал, Гриша еле поспевал за ним, перепуганный Копытов так бухал сапогами сзади, что казалось, будто с ним несётся целый взвод. Мелькали заборы, поленницы, спящие деревянные домики с редким оранжевым окошком, плыли немые громады домов с эркерами, башенками, флюгерами. Хищные птицы, дикие звери и девы со строгим взглядом и голой грудью застыли в задумчивости, не обращая внимания на резкий ветер и колючие

снежинки. Мефистофель с тонкой улыбочкой смотрел со своей верхотуры, как тоскует и мечется первый секретарь Ленинградского обкома.

Выбежали обратно на Красные Зори, чуть сбавили скорость. Здесь всё было празднично, во многих окнах горел свет. Снег летел через фонари, пропадал в чёрных лужах, шуршали редкие машины. Подбежали к закрытой столовой. Мироныч застучал кулаком в дверь. Выскочил испуганный сторож.

– Сергей Миронович, можно мне пойти домой? – взмолился Гриша.

– Надо согреться, – сказал Мироныч и снова кинулся в подворотни.

В сквере на скамейке под припорошёнными кустами сирени курили два мужика; два косматых пса крутились рядом и писали на подножия клёнов и фонарей. Мужики пили водку, чокались кружками, были пьяны, бормотали невнятное. Мироныч, тяжело дыша, сел рядом. Мужики посмотрели на него внимательно, собаки обнюхали, одна псина задрала ногу у высокопоставленного сапога.

– От кого бегаешь, дядя?

Опустив голову, Мироныч тяжело дышал.

– На-ко, выпей за здоровье Ефима Митрича Коновалова! – Кирову протянули медную кружку.

– Спасибо. Копытов, что здесь написано? Ты подойди к свету.

– «В память войны России и Германии уряднику Ефиму Дмитриевичу Коновалову от урядника

Иллариона Фёдоровича Рогачёва, 1916 год», – прочитал Копытов по слогам.

Мироныч понюхал кружку, опрокинул в рот содержимое и уставился в звёздное небо. Большая Медведица, Дракон и Царица на троне внимательно смотрели на освещённый фонарями сквер. Гриша гладил собак и перемигивался с охранником – как бы увести Мироныча домой? Да что с ним происходит? Надо что-то делать!

– Вызвать дополнительную охрану! – громко шептал Копытов.

Неожиданно из кустов ловко и бесшумно выпрыгнул давешний псих. В руке у него был ножик. Он кинулся к Миронычу, одной рукой обхватил его подбородок, а другой подрезал шею – ловко, как опытный грибник. Подосиновик завалился, кружка Ефима Дмитриевича покатилась, «звеня и подпрыгивая». Шинель Мироныча почернела, реальность смазалась, кусты и скамейки съехали со своих мест, фонари свернулись в бараний рог, брань мужиков, лай Тузика и Кубика перекрыл бабий визг охранника Копытова: «Полоснул, скovyрнул, подреза-а-ал!»

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА